

Павло Кобель
Сантехник

Павло Кобель

Сантехник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22874488

ISBN 9785448374746

Аннотация

Павло Кобель – один из самых неизвестных писателей современности. «Сантехник» совсем не похож на «Алхимика» Пауло Коэльо, но почему-то трудно не вспомнить эту сказку-притчу, когда хочешь сказать что-то о «Сантехнике». Эта притча именно для нашего времени, а посему никогда не станет любимой книгой сильных мира сего и простых людей в восьмидесяти девяти (или уже восьмидесяти пяти?) регионах России.

Содержание

Предисловие	5
Посвящается М. и Ж.	8
Пролог	9
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сантехник

Павло Кобель

Редактор Федор Львович Пушкин

Корректор Владимир Михайлович Крайний

© Павло Кобель, 2017

ISBN 978-5-4483-7474-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Считаю своим долгом предупредить читателя, что «Сантехник» – книга символическая, чем и отличается от части второй «Налогового кодекса», где нет ни слова вымысла.

Одиннадцать лет жизни я отдал изучению взаимодействия человека с различными видами сантехнического оборудования. Уже одна возможность превращать любой бесполезный продукт в ценное удобрение достаточно соблазнительна для всякого посетителя санузла. Моим же воображением, признаюсь, в особенности завладела желтоватая жидкость, способная многократно повторять свой путь в человеческом организме, и я решил всецело посвятить себя ее изготовлению.

Это было в конце восьмидесятых, накануне последовавших затем глубоких преобразований, когда голубой «тюльпан» отечественного производства считался шедевром сантехнического искусства. Я потратил все свои скудные средства на приобретение чешского унитаза и все свое время – на изучение его сложного технического устройства. Мне удалось разыскать нескольких специалистов, всерьез занимавшихся установкой импортной сантехники, но от встречи со мной они уклонились. Познакомился я и с той публикой, представители которой именуют себя сантехниками, владеют нехитрым инструментом и готовы открыть каждому тай-

ну пробивания засора, – только, разумеется, за баснословные деньги.

Мое усердие и рвение уходило в бесполезную струю. Мне не удавалось ничего из того, о чем на своем замысловатом языке твердили инструкции, пестрящие идиотскими символами. И мне постоянно казалось, что я двигаюсь не в том направлении: ведь сам по себе язык инструкций открывает широчайший простор для взаимоисключающих толкований. 12 июня 1990 года в 19 часов 47 минут я совершил некий чрезвычайно легкомысленный поступок: помочился в урну на избирательном участке. Даром мне это не прошло, и я смог на собственной шкуре убедиться в правдивости поговорки «от сумы да от тюрьмы не уберезешься».

В 1999 году в мою жизнь вошел дядя Рома – Учитель, которому суждено было вернуть меня на прежнюю стезю. Однажды вечером я спросил у него, почему сантехники выражаются так витиевато, и что означает выражение «мочить в сортире».

– Существуют три типа сантехников, – ответил он. – Одни тяготеют к неопределенности, потому что ни разу не поворачивались к унитазу лицом. Другие знают его, но знают также и то, что понять его рассудком невозможно.

– А третьи? – спросил я.

– Третьи – это те, кто и не слышал об унитазе, но сумел самостоятельно приспособиться к рельефу местности, даже

не задумываясь о том, как и зачем они все это делают.

В завершение чересчур, может быть, пространного предисловия и чтобы, тем не менее, пояснить, кого относил мой Учитель к сантехникам третьего типа, приведу историю, которую он же поведал мне как-то в своей подсобке.

Однажды...*

Автор

* Несмотря на настойчивое желание автора поместить в настоящем предисловии целиком Священное писание, а также собрания сочинений Э. Хемингуэя, Х. Л. Борхеса и ряда других писателей, издатели не решились на столь радикальное увеличение объема книги, за что приносят извинения читателям, отсылая их к первоисточникам.

Посвящается М. и Ж.

Теплые и комфортабельные туалеты – это то, о чем веками мечтали многострадальные обитатели планеты Земля. Мы, их потомки, дожившие до светлого завтра, просто обязаны почтить их память вставанием

Пролог

Сантехник взял в руки книгу, которую для известной надобности принес в помещение кто-то из путников, да там и оставил. Книга была без начала и конца, но он открыл ее посередине и наткнулся на следующую историю.

У одного человека жила луна. Весь день она дрыхла на диване, а ночью шлялась неизвестно где. Однажды человек вернулся из командировки, а в квартире еврейский погром. Даже его любимую голубую чашку евреи разбили. Пришлось луну в зоопарк отдать. Первое время он очень скучал, а потом упал с дерева и успокоился.

«Какая чудесная история», – подумал Сантехник.

Луна

Часть первая

Деда звали Ромуальдыч. Сумеркалось, когда, поев щец, он вышел из развалин своей хаты на самом краю села, чтобы вдохнуть густого пряного воздуха, принесшего со свежеунавоженных полей запах будущего урожая.

Пройдя через носовые отверстия, гортань, мимо селезенки дальше вниз, запах пробудил ответную волну: что-то подкатило к горлу, и вместе с негромким раскатистым звуком дед ощутил прилив к голове неясной жидкости.

Одновременно возникло щемящее чувство в нижней части живота, и дед начал медленно расстегивать штаны тремя мозолистыми пальцами: большим, указательным и средним. Горячая струя ударила в землю, образовав на месте падения небольшую лунку. Рядом с лункой Ромуальдыч заметил крохотный зеленый росток и, побоявшись повредить ему, отвел струю в сторону, едва не зацепив правый лапоть.

Журчание привлекло до того беспорядочно бродивших по двору кур, и они столпились вокруг, кося маленькими глазками то друг на друга, то на деда. Ромуальдычу вдруг подумалось, что куры – скотина хотя и мелкая, но многое понимающая, в том числе про человека. Однако, поразмыслив над этим еще немного, он сообразил, что, может быть, дело обстоит как раз наоборот – это он научился жить *их* привычками, думать *их* мыслями, и что им, скорее всего, просто хо-

чется пить.

Одна из кур, рябая, та, что в прошлом году снесла какое-то странное яичко, которое дед, как ни бился, так и не сумел разбить, нацелилась клювом в направлении зеленого росточка. Дед ловко ударил ее носком левой ноги в сраку и подивился, что за какие-то пять минут второй раз спасает от гибели неведомое невзрачное растеньице.

Застегнув штаны, Ромуальдыч вернулся в хату и, удобно устроившись на обломках русской печи, провалился в небытие. Сон, приснившийся ему, был все тот же проклятый сон, и опять Ромуальдыч в нем ни хрена не понял, хотя очень старался, и от умственного напряжения у него даже заболел копчик.

Проснувшись, дед долго лежал с открытыми глазами, но так ничего и не разглядел. Тогда он повернулся на спину и через большую щель прямо у себя над головой увидел солнце, стоящее уже довольно высоко, и по этому признаку заключил, что проспал довольно много.

Ему вспомнилось, как год назад он ходил в райцентр сдавать куриное перо.

Тогда ему посоветовали одного предпринимателя без образования юридического лица, который оказался столь недоверчив, что требовал, чтобы кур ощипывали прямо у него на глазах.

Ожидая своей очереди, Ромуальдыч читал трехтомную физику Ландсберга, которую выменял пару лет назад у заезжего библиотекаря на две тачки куриного помета. Слова были ему неинтересны, и он их пропускал, зато подолгу и с наслаждением разглядывал диковинные значки, из которых состояли формулы.

– Вот не знала, что здешние крестьяне столь образованны, – раздался вдруг неподалеку скрипучий женский голос.

Подняв голову, он увидел немолодую женщину с разбросанными по лицу отчетливыми следами былой красоты.

– Куры научат большему, чем любая книга, – отвечал ей дед, – они несутся и гадят по всей округе.

Так слово за слово они разговорились и провели в беседе целых два часа четырнадцать минут и тридцать одну секунду. Женщина рассказала, что приходится ПБОЮЛу двоюродной бабкой, что жизнь у нее скучная, и дни похожи один на другой как две куриных какашки. А Ромуальдыч рассказал ей, что не бывает двух одинаковых куриных какашек. Каждая из них имеет свою особую форму, свой запах и цвет, многое также зависит от освещения и от того, что в данный момент происходит в душе смотрящего. Он был рад неожиданной слушательнице и так увлекся, что начал чертить на песке те самые значки из книги и сильно воодушевился, увидав, какими похожими они у него выходят.

– Где ты всему этому выучился? – удивилась бабка.

– Где все, там и я, – ответил дед. – На заднем дворе школы,

где я учился, было много всякой живности.

Ему было досадно, что она его перебила, и он, торопясь и захлебываясь словами, стал рассказывать дальше. С куриного он перешел на утиный помет, потом на индюшачий, а она слушала его, раскрыв рот, и все пыталась пошире распахнуть свои маленькие подслеповатые глазки. Время текло незаметно, и Ромуальдычу хотелось, чтобы день этот никогда не кончался, но тут вышел из лавки ПБОЮЛ и, ткнув кривым пальцем в четырех несушек, коротко бросил:

– За деньгами приходи через год.

Предназначенное расставанье обещает встречу впереди. Дед радовался предстоящей встрече и в то же время тревожился: а вдруг бабка уже давно померла. Много ведь всякой пернатой живности проходит через их двор, какой-нибудь из петухов вполне мог ее затоптать.

– Ну и пусть, – сказал он рябой курице, все еще высиживающей свое странное яйцо. – Велика важность. Была бы проруха, найдется и старуха.

Но другой половиной своего тела он чувствовал, что важность в последнее время и впрямь великовата. И у куроводов, и у куроедов, и у курошупов, и даже у куропаток всегда есть одно-другое заветное место, где живет та, ради которой можно пожертвовать радостью, счастьем, удовольствием, самолюбием, здоровьем и остаться ни с чем.

Рассвело уж совсем. Хризантемы в саду так и не принялись, и единственное, на что можно было положить глаз в полном буреяне, давешнее растение неизвестной Ромуальдычу породы. За истекший ночной период оно вымахало сантиметра на два и пустило в сторону восходящего солнца листочек в виде стрелки, похожий на цыплячий хвостик.

Вокруг слонялись куры. «Хорошо им, – недобро подумал Ромуальдыч, – только жрут и срут, падлы, а о смысле жизни совершенно не задумываются».

С другой стороны, задумайся они хоть на миг, и их нежные куриные мозги, ныне столь высоко ценимые гурманами, перестанут быть деликатесом и превратятся в обычные потроха.

За всю свою не такую уж короткую жизнь они не прочли ни единой книги, даже вполне доступного им «Алхимика» знаменитого писателя Паоло Коэльо. Неведомы им и последние новости об уголовном преследовании мятежных олигархов, пластической операции на обратной стороне тела, мужественно перенесенной Борисом Моисеевым, вечной как мир реформе ЖКХ. Зато они счастливы и щедро делятся с человеком своим теплом, привязанностью, пухом и перьями, бедрышками, голеньями, нежным фаршем из грудки.

«Превратись я сегодня из простого крестьянина в какого-нибудь фермера и начни убивать их одну за другой, они сообразили бы что к чему лишь после того, как оказались бы в чем-нибудь жульене, – думал Ромуальдыч. – Они дове-

ряют мне больше, чем Президенту и Правительству вместе взятым, и только потому, что я веду их туда, где их, может быть, и ощиблиют, но, по крайней мере, накормят».

Он сам удивился тому, что в голову ему поналезло столько всяких мыслей. Добро бы еще они копошились только *внутри* головы. Может, это оттого, что над миром висит проклятие? А, может, надо просто сходить в баню?

Раньше в село по большим праздникам приезжал банный автобус, где можно было всласть попариться, а иногда, перед выборами в Верховный Совет, даже попить «Жигулевского», прозрачной жидкости с легким привкусом пива. Но это было раньше, теперь праздников стало больше, а воды и тепла намного меньше. Выборов стало еще больше, чем праздников, но вместо бутылок «Жигулевского» привозят портреты Жириновского и голых артисток из самой Москвы, которые скачут по снегу и дурными голосами кричат: «Наше дело – справа налево! Голый суй, а не то проиграешь!».

Ромуальдыч плотнее запахнул зипун. Он знал, что всего через несколько часов, когда солнце достигнет (как бишь его, еще команда такая футбольная есть... нет, не «Анжи»... во – «Зенит») зенита, начнется такая жара, что не под силу будет гонять кур по палисаднику. В этот час спит вся Бразилия, даже Пеле, и тот дрыхнет. Зной спадет лишь под вечер, и только тогда можно будет снять с плеч тяжеленный зипун. Но ничего не попишешь: именно он, говаривают старики, спасает от холода.

«Лучше быть всегда готовеньким», – думал Ромуальдыч с чувством благодарности к зипуну за то, что он такой тяжелый и вонючий. В общем, как у зипуна свое предназначение – вонять, так у Ромуальдыча – свое. Предназначение его жизни – гнать, а уж что гнать – курей, велосипед, самогон – абсолютно не имеет значения. Ромуальдыч на этот раз соби-рался объяснить бабке ПБОУЛа, как это так случилось, что простой крестьянин умеет гнать самогон.

А дело было в том, что в их селе умение гнать самогон передается по наследству, причем не только по мужской, но и по женкой линии. Одно время, еще при Иосиф Виссарионыче, этим вопросом шибко интересовались генетики, часто наведывались в село, брали на анализ говно, которое по научному называли «кал», но потом все куда-то сгнули вместе с этим самым калом и председателем калхоза.

Генетики научили Ромуальдыча латыни, не всей, конечно, но пару-тройку фраз типа «*in vino Veritas*» или «*sic transit gloria mundi*» он при случае вернуть может, они же привили ему безответную любовь к формулам, посредством которых ученые умеют сложно и непонятно описывать даже самые простые вещи. И однажды он пришел к отцу, набравшись для храбрости, и сказал, что самогон пока больше гнать не хочет. Он хочет учиться.

– Сыночка, – сказал ему на это отец, – кого только черт ни приносил в наше село. Люди со всего света приходят сюда

в поисках чего-то нового, но вскоре понимают, что самогон везде одинаковый. Они набираются как свиньи, а утром обнаруживают, что настоящее еще хуже прошлого. У них могут быть чистые волосы и кожа, но они ничем не отличаются от наших односельчан.

– Однако! – смело возразил отцу Ромуальдыч.

– Когда эти люди видят наше жнивье и бегающих по нему кур, свиней и женщин, они говорят, что хотели бы остаться здесь навсегда, – продолжал отец.

– А я хочу повидать другие земли, посмотреть на других женщин и свиней. Ведь эти люди только так говорят, а сами никогда не остаются у нас.

– Для учебы нужны деньги. А на наш трудодень деньги хрен когда выдадут. Нашему брату, чтобы получить толику денег, надо сначала состариться и стать пенсионером.

– Что ж, тогда стану пенсионером, – сказал Ромуальдыч.

Ничего не ответил отец, а наутро вручил ему мешок с салатного цвета бумажками, на которых тут и там печатными латинскими буквами было написано что-то не совсем латинское.

– В огороде однажды нашел. Должно быть, с неба упал. Знающие люди говорят: деньги. Если правда, купи себе ботинки с калошами и ступай по свету учиться, пока не выучишь, что наша хата на краю села – самая крайняя, а ядренее наших баб нет и в Голливуде.

И когда он благословлял сына, тот по глазам его понял,

что и отца, несмотря на годы, неодолимо влекут эти самые неядреные голливудские бабы, как ни старается он заглушить эту тягу, утешаясь с женой, двумя снохами и соседской свиноматкой Даздрапермой, чье диковинное ненашенское имя расшифровывалось всего-навсего, как «Да здравствует Первое мая!».

Небо на горизонте медленно и сурово наливалось багрянцем, как граненый стакан свежевыгнанным самогоном, а потом взошло солнце. Вспомнив сказанное отцом, Ромуальдых развеселился: он уже повидал множество женщин и свиней, из которых, впрочем, ни одна не могла сравниться с той, с которой через два дня он встретится вновь. У него есть куры, и зипун, и книга, которая хороша тем, что ее всегда можно обменять на другую, а то и просто сдать в макулатуру. А самое главное – исполнилась самая его заветная мечта! Он стал пенсионером. Правда, пенсии с тех пор он ни разу не получил, но регулярные обещания Президента довести ее до прожиточного минимума, и тогда уже, наконец, выдать, греют душу почище любого самогона. А когда ему надоест ждать, всегда можно зарезать кур и отправиться бомжевать в большой город, в Малоярославец, к примеру. А если когда-нибудь надоест плавать в собственном дерьме в вокзальной закуске, к тому времени он узнает, есть ли на свете другие города, кроме Малоярославца и Москвы, другие способы найти пищу, кроме вокзальной урны.

«Не знаю, как бы мне удалось прожить без демократии», – подумал Ромуальдыч, глядя на восходящее светило.

В своих мысленных извилистых странствиях он всегда предпочитал не придерживаться какой-то одной извилины. Мир огромен и неисчерпаем, и стоило Ромуальдычу хоть ненадолго предоставить мыслям самим выбирать дорогу, на ней непременно встречалась какая-нибудь колдоебина. Только вот сами мысли не понимают, куда прут, им ничего не стоит ползть из ушей или вдруг кинуться сдуру в спинной мозг.

«Может быть, они правы, – думал Ромуальдыч. – Ведь я и сам все время норовлю залезть поглубже в карман, когда вспоминаю о бабке ПБОУЮЛа».

Он взглянул на небо, прищурился – выходило, что до обеда, как всегда, еще далеко. Надо бы попробовать обменять Ландсберга на какую-нибудь другую книгу, полегче, скажем, на Сканави, да еще начать мысленно готовиться к встрече с бабкой ПБОУЮЛа. О том, что его уже опередил десяток-другой деревенских, он не думал.

«Какая-нибудь щелочка и для меня найдется. Жизнь тем и интересна, что в ней часто понимаешь, куда попал, только когда взад уже дороги нет».

Он вспомнил, что в их селе недавно поселилась матушка Анджела, которая умеет толковать сны, и даже выпустила недавно в издательстве «Рипол классик» брошюрку под названием «Десять тысяч снов, приснившихся на толчке, и их

толкование». Вот пусть и растолкует, что значит этот самый, как его, сон, приснившийся ему уже дважды.

Матушка провела гостя в заднюю комнату, отделенную от столовой глухой металлической дверью, наверное, чтобы запахи не смешивались. В комнате стояли друг напротив друга два унитаза, выписанные из заграницы, а на стене висела схема подачи воды в помещение, на случай, если ее когда-нибудь подадут.

Хозяйка усадила Ромуальдыча, села vis-a-vis и, взяв его за обе руки, для начала вполголоса пробормотала стишок:

«А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасен...»

Похоже, что стишок был поэта Андрея Дементьева. Деду часто встречались поэты – они, хоть ни гусей, ни свиней не пасли, тоже бродили по полям, выкрикивая разные слова, понятные и непонятные: «хорошо!», «шаганэ», «двенадцать», «братская гэс», «треугольная груша», «шоколадный заяц». А люди говорили, что они продали душу дьяволу, что воруют друг у друга какие-то «рифмы», а если на них нападет «стих», могут оставить все село на неделю без самогона. Ромуальдыч сам в детстве до смерти боялся поэтов, и теперь, когда Анджела взяла его за руки, этот страх вновь в нем проснулся.

«Подумаешь, унитазы заграничные», – подумал он, стараясь успокоиться и унять невольное желание немедленно воспользоваться по назначению этим великолепием. Ему не хотелось, чтобы матушка что-нибудь заметила. Чтобы отвлечься, он представил себя на приеме у проктолога и даже принял соответствующую позу.

– Очень интересно, – не сводя глаз с него, пробормотала матушка и вновь по уши погрузилась в молчание.

Ромуальдыч еще больше забеспокоился. Что она там нашла интересного? Однажды приезжий из райцентра фельдшер уже искал у него в заднице какие-то тайные знаки, так он после этого месяц сидеть не мог. В конце концов, сны можно разгадывать и спереди.

– Знаю, – вслух ответила матушка его мыслям, – Повернись и покажи мне язык. Дело в том, что сны – это язык, на котором говорит с нами Провидение. С этого языка я еще могла бы перевести, но если Провидение обращается к тебе на языке твоей души, лишь тебе одному будет понятно сказанное. Деньги, впрочем, все равно давай, раз уж пришел.

«Вот сучка», – подумал Ромуальдыч, но отступить было некуда – позади унитаза.

– Мне дважды снился один и тот же сон, – сказал он. – Будто выгнал я своих кур на пустырь, где свалка, и хочу с ними поиграть, побегать за ними. И тут появляется ребенок и тоже хочет. Я детей не люблю, а курам по фигу, кто за ними гоняется.

– Ты сон давай, – перебила матушка. – Лекции по философии будешь читать, когда станешь новым русским.

– Ребенок гонял да гонял курей, а потом вдруг погнался за мной и пригнал аж к египетским пирамидам.

Он помедлил, засумлевавшись, знает ли Анджела, что это такое, или она все больше по Мальдивам да Канарам.

– К е-би-пет-ским, – повторил он, – и там сказал мне так: «Если снова сюда попадешь, отыщешь спрятанное мной сокровище». И только пальцы сложил, чтобы показать мне, что за сокровище и где оно там спрятано, как я проснулся. И во второй сон то же самое.

Матушка долго молчала, потом попросила Ромуальдыча показать, как именно сложил пальцы ребенок.

– Да, с тебя хрен чего возьмешь, – молвила она наконец. – Но если вдруг найдешь сокровище, десятая часть моя.

Дед мысленно захехекал – приснившееся сокровище сохранит ему даже те пару яиц, которые он собрался всучить матушке за труды праведные.

– Так растолкуй же мой сон, – попросил он.

– Прежде поклянись, что отдашь хотя бы половину того, что принес с собой.

Пришлось поклясться. Но матушка потребовала, чтобы он повторил клятву на унитазе.

– Этот сон на языке травоядных индейцев, точнее, на самом его кончике, – сказала она. – Я попытаюсь его растолковать, хотя ихний кончик и разглядеть-то трудно. Вот за тру-

ды я и прошу у тебя десятую часть сокровища. Слушай же: ты должен оказаться в этом самом Египте и найти свои пирамиды. Я сама там не была, но, говорят, там в последние годы построили несколько приличных отелей. Вот и отправляйся туда, и скажи спасибо, что ребенок не загнал тебя на сафари в Кению.

Ромуальдыч почувствовал досаду, словно бы в сердечное место ему вонзилось шило.

– На вас, баб, только время даром потратишь, – сказал он.

– Я тебя предупреждала: сон твой не обыкновенный. А чем необыкновенней что-либо, тем проще его назначение. Возьми хоть эти современные кухонные агрегаты, только мудрецу под силу догадаться, для чего они предназначены. А я мудростью не отличаюсь, вот и пришлось мне заняться другим делом – давать советы за деньги.

– Как же я попаду в Египет?

– Это уж не моя печаль. Мы с турфирмой «Перекаати-поле» договорились лохов друг у друга не перебивать.

Ромуальдыч вышел от Анджелы в полностью расстроенных чувствах, от головы до кишечника. Он отправился в сельпо за едой, но там все еще шел евроремонт: приезжий армянин третий год оборудовал в сельповской хате дельфинарий с сауной. Хотя бы удалось обменять у армянина Ландсберга на Сканави – тот в юности мечтал поступить в институт, но его всюду принимали за еврея и, как следствие, не приняли даже на факультет мелкого ремонта обуви Меж-

дународной Академии Бытовых Услуг.

Кур своих он оставил у своего нового друга, тихого переселенца из Грозного, в похожей на хлев общаге трактористов. У Ромуальдыча везде были друзья. Заводишь нового друга, и вовсе не обязательно с ним видеться. А то каждый норовит влезть в твою душу и наследить в ней грязными сапожищами. А посоветуешь ему хотя бы сапоги снять, обижается: «Я ж, блин, хотел как лучше». Каждый ведь совершенно точно знает, как именно надо делать большой батман.

Только свою собственную жизнь никто почему-то наладить не может. Это вроде как депутат от «Яблока» – сказки рассказывать умеет, а вот сделать их былью – нет.

Ромуальдыч решил подождать, пока солнце спустится пониже, и тогда уж опять погонять курей. Еще три дня до встречи с бабкой ПБОУЛА. Странно, в прошлой главе оставалось два дня, а сейчас три. Хотя числа вообще штука странная: пьют всегда на троих, а ссать ходят по двое. Впрочем, если всем сразу пойти, обязательно бутылку сопрут.

А пока он взялся за Сканава, но, едва лишь углубился в чтение, на скамейку подсел какой-то жидкобородый в кепке и затеял с ним разговор.

– Чем нынче крестьяне занимаются? – осведомился он, указывая на людей, слоняющихся по площади.

– Пашут, – сухо отвечал Ромуальдыч, делая вид, что читает.

На самом же деле он думал о том, как оциплет четырех

кур перед бабкой ПБОУЛа, и еще она увидит, на что он способен, кроме этого.

Ромуальдыч часто рисовал на закопченной стене хаты эту сцену, всякий раз мысленно объясняя изумленной бабке, что делать *это* надлежит от хвоста к гриве. Еще он перебирал в памяти разные затейливые выражения, которыми развлечет ее во время оногo.

Жидкобородый, однако, оказался настырным. Сообщив, что истомился душой и желает похмелиться, он потребовал глоток самогона. Ромуальдыч протянул туесок, про себя надеясь этим отделаться.

Не тут-то было – жидкобородый желал попиздить. Вернув туесок, он спросил, что за книгу читает дед. Ромуальдычу захотелось послать его на соседнюю скамейку, но жизнь научила на всякий случай быть вежливым с незнакомцами, и потому он молча протянул книгу: вдруг сосед сумеет прочесть ее название. А если неграмотный, то быстрее отвяжется.

– Нуте-с, – батенька... – сказал жидкобородый, оглядев книгу со всех шести сторон. – Хорошая книга, толстая, только вам бы я посоветовал начать с «Коммунистического манифеста». Зажигает, знаете, а в нашем с вами возрасте это архиважно. Потом уж можно будет перейти к «Капиталу».

Ромуальдыч удивился: жидкобородый, оказывается, не просто умеет читать, но умеет читать именно эту книгу.

Почти все книги – это просто слова, а слова, в свою очередь, состоят из букв, – продолжал жидкобородый. – В этом

гвоздь, а все остальное – совершеннейшая ложь. Каутский, Плеханов, Мартов и другие проститутки утверждали обратное, но на то они и проститутки. Кстати, настоящая фамилия Троцкого – Бронштейн.

– Мне это, кажется, понять трудно, – почесал репу Ромуальдыч.

– Вот и славно, – кивнул жидкобородый. – Вы ведь любите учиться.

«Словно читает мои мысли», – подумал дед.

– Вы откуда будете? – спросил он жидкобородого.

– Отовсюду.

– Так не бывает, – возразил Ромуальдыч. – Отовсюду бывают только кандидаты на выборах, и то в зависимости от того, по какому округу они баллотируются. Я вот, к примеру, в этом селе родился.

– Ну, в таком случае я родился в Симбирске.

– Ну и как там, в Симбирске?

– Как у афроамериканца в анусе.

Ухватиться было не за что. Не за анус же афроамериканца.

– А чем вы занимаетесь?

– Чем занимаюсь, – сосед по лавке раскатисто расхохотался. – Я – Предсовмина РСФСР. Президент России, понынешнему.

«Какую чушь иногда несут люди, – подумал Ромуальдыч. – Лучше уж с курами разговаривать, они хоть слово

иногда дают вставить. А президенты эти разные только одно знают: «Слушать сюда!», – и баста.

– Зовут меня Владимиром, – промолвил жидкобородый. – Вот у вас, батенька, сколько, к примеру, кур?

– Сколько есть – мои, – состорожничал Ромуальдыч.

– В самом деле, ваши? А земля, на которой вы их пасете, принадлежит небось какому-нибудь олигарху-мироеду.

Ромуальдыч рассердился всерьез. «Это мы уже проходили: весь мир насилья мы разрушим, а на обломках будем писать всякие нерусские имена».

– Книжку верните, – сказал он. – Мне еще сегодня озимые сеять.

– Отдашь мне свой голос – научу, как добратся до сокровища.

Ромуальдычу все стало ясно. Голос ему отдай, а потом мычи всю жизнь, как корова: «Миру – мир». А сокровища, которые в земле таятся, опять достанутся всяким хитрожопым.

Но, прежде чем Ромуальдыч успел промычать хоть слово, жидкобородый широко раскрыл маленький рот и запел. Песня его взметнулась высоко в небо и оттуда, минуя уши, стала просачиваться в самую душу деда. Он узнал в ней всю свою тоскливую жизнь и увидел, как воплощаются его мечты, даже самые тайные, типа той, чтобы у соседа Петровича сдохла, наконец, коза. Он узнал имя бабки ПБОУЮЛа и пронзительно вспомнил, как в первый и последний раз в жизни переспал с покойницей женой.

«Я – Президент России», – вспомнилось ему.

– Разве Президент России разговаривает с народом не через телевизионную тарелку? – смущенно и робко спросил Ромуальдыч.

– Вообще-то тарелка разбилась при посадке, но с тобой я говорю еще и потому, что ты способен следовать своей Судьбе.

– Что это за Судьба? – спросил дед.

– С одной стороны, слово для русского языка вполне обычное, вспомним хотя бы другие, образованные по тому же принципу: молотьба, гульба, голытьба. Но с другой – российская интеллигенция всегда вставала, а потом опять ложилась спать, именно с этим словом на устах. Пока человек молод и свободен, он знает свою Судьбу. Но стоит приучить его к горшку, как таинственная сила начинает полоскать ему мозги и промывает их до такой степени, что там ничего, кроме Петросяна с Дубовицкой задержаться не в состоянии.

Ромуальдыча не шибко тронули словесные экзерсисы жидкобородого, но «таинственной силой» он заинтересовался – бабка ПБОУЛа разинет пасть, когда он будет вешать ей на уши про эдакое. Бабам, хлебом их не корми, дай только послушать про что-нибудь таинственное, вроде экскрементов гуманоида, найденных при раскопках общественного сортира.

– Сила эта только кажется нашим согражданам недоброжелательной, но в действительности она указывает человеку на его Место. Она готовит к этому его дух и его волю. В этой стране существует одна великая истина: независимо от того, кем ты являешься и что делаешь, ты – говно. И это и есть твое великое предназначение на Земле Российской.

– Даже если я хочу всего-навсего учиться или, допустим, жениться?

– Или построить землянку, родить олигофрена, посадить репку. У человека, кроме права на труд, есть еще почетная обязанность выбирать на свою шею дармоедов. Так записано в Конституции, а ее последний вариант пока никто не отменял.

Какое-то время они молча глядели на площадь и слоняющихся по ней нетрезвой походкой сельчан. Первым нарушил молчание жидкобородый:

– Так почему же ты решил учиться?

– Люблю я это дело.

Жидкобородый указал на торговца чипсами, пристроившегося со своей трехцветной тележкой в углу площади.

– В раннем детстве он тоже мечтал учиться. Однако потом предпочел торговать чипсами, копить да откладывать деньги. Когда состарится, проведет семь дней / восемь ночей в трехзвездочном отеле в Турции.

– Лучше бы он пошел в баню, – сказал Ромуальдыч.

– Он подумывал об этом. Но потом решил, что лучше за-

няться торговлей. У торговцев всегда есть крыша. И у невест родители предпочитают, чтобы зять был нечистым торговцем, а не чистым инженером.

Жидкобородый еще полистал книгу и, похоже, зачитался. А, может, задремал просто – для некоторых Президентов это состояние очень способствует эффективному управлению страной. Ромуальдыч решил разбудить жидкобородого:

– А почему вы со мной об этом говорите?

– Раз ты уже спрашивал меня об этом, в самом начале главы. Но сейчас я отвечу тебе более конкретно: ты готов отступить от своей Судьбы.

– И вы всегда появляетесь в такую минуту?

– Всегда. Причем, если надо, могу и в форме предстать, хотя предпочитаю гражданское обличье, да и имиджмейкеры к тому же склоняют.

В переломный момент я подсказываю выход из затруднительного положения. А поскольку у нас все моменты переломные, а положения затруднительные, работать приходится помногу, но не всегда люди это замечают.

И жидкобородый рассказал, что недавно ему пришлось появиться перед одним избирателем в образе Генеральной Прокуратуры. Когда-то этот человек все бросил и отправился добывать нефть. Десять лет он трудился, а тут надоело, и решил отказаться от своей Мечты и податься в политику. Тогда жидкобородый решил вмешаться и прийти на помощь слишком старательному избирателю. Он обер-

нулся футбольным мячом в прокурорских погонах, подкаптался ему под ноги, но обозленный избиратель изо всех сил пнул его ногой. Однако вложил в удар такую силу, что мяч оказался в воротах «Челси». Там он себя и нашел.

Тут Ромуальдыч вспомнил, что разговор у них начался с сокровища.

– Если хочешь узнать подробней о своем сокровище, почитай о нем в «Большой Российской Энциклопедии», когда она, наконец, выйдет. А за совет – отдай мне десятую часть своих кур.

Ромуальдыч прикинул, что десятая часть его куриного поголовья составляет ноль целых семь десятых тушки, и пожмотничал:

– А может, лучше, десятую часть того, что найду?

– Посулить то, чем не обладаешь, – право политиков и тружеников рекламы, – укоризненно произнес жидкобородый.

Тогда Ромуальдыч сказал, что десятую часть поголовья он уже обещал матушке Анджеле.

– Эти экстрасенсы знают, как добиться своего, – с завистью вздохнул жидкобородый. – Как бы то ни было, тебе полезно узнать, что все на свете имеет цену, включающую прибавочную стоимость. Этому учил еще старик Маркс. А мы учим, что прибавочная стоимость есть стоимость добавленная и отбираем ее посредством НДС. Ну, лады, батенька: завтра пригоните мне свой НДС. Тогда расскажу, как найти со-

кровище.

И он исчез за углом круглой площади.

Ромуальдыч вновь взялся было за Сканави, но чужеземные буквы в формулах на этот раз не казались ему скачущими по экрану блудливыми дритатушками. Он был вздрючен разговором с жидкобородым, потому что чувствовал: в словах того была сермяжная Правда. Дед подошел к лотку и купил пакетик своих любимых чипсов с лягушачьими лапками, размышляя, сказать ли носатому гастарбайтеру все, что он о нем думает, и решил пока не говорить.

«Пушай еще помучается, хрен моржовый, – подумал он. – Вот примет Дума „Закон о несоотечественниках“, и погонят их отсюда липовой метлой вместе со всеми ихними лотками, лавчонками и супермаркетами».

И Ромуальдыч, весело насвистывая из «Полета валькирий», зашагал по просторам узких и кривых переулков, на ходу отправляя в рот чипс за чипсом, у которых предварительно обламывал лапки. Шагал он куда глаза глядят, к причалу. Там, в маленькой будочке, где раньше был сортир общего пользования, продавали жвачку, обереги от налоговой полиции и путевки в Африку. Ведь, кажись, в Африке Ебипет. Там еще гориллы со злыми крокодилами.

– Завтра куплю у вас билет в Ебипет, – сказал он, – и быстро отошел, чтобы запах, сохраненный будкой, несмотря на перепрофилирование, не бередил душу.

– Еще один мечтатель-хохол, – сказал будочник своему помощнику по связям с общественностью. – Один такой уже нашел свое счастье в Гренаде.

В общежитие-хлев, где его дожидались куры, Ромуальдыч двинулся самой длинной тропой. В ихнем селе, как и во всяком российском населенном пункте, тоже имелся свой долгострой – гастроэнтерологический центр для трудных подростков, и дед решил подняться на самый верх и покемарить на проржавевших балках. Оттуда ему и привиделась Африка. Кто-то когда-то какого-то хрена ему объяснил, что из Африки в незапамятные времена завезли негров и евреев. Ромуальдыч ни тех, ни других терпеть не мог, хотя понимал, что без них ни оркестр русских народных инструментов не создашь, ни русский народный футбольный клуб «Спартак».

С верхотуры все село, включая площадь с сельсоветской хибарой, фасад которой недавно обложили веселенькой трехцветной плиткой, было как таракан на ладони.

– Будь проклят тот день, когда я сел на эту скамейку, – подумал дед. Эти шелкоперы, жидкобородый с Анджелой, не понимают, что он – знатный куровод, отмеченный медалями ВДНХ и «За заслуги перед органами». Если он решится уехать, куры без него затоскуют и, вместо того, чтобы нестись, будут часами обсуждать вторжение американцев в Ирак.

Поднялся ветер. Он знал этот ветер – люди ласково назы-

вали его «пердуном», потому что он приносил с полей надежду на будущий урожай. «Не разорваться же мне между курами и сокровищем», – подумал Ромуальдыч. А есть еще бабка ПБОУЛа, хотя куры, конечно, важнее: ведь у бабки ни пуха, ни пера, ни мяса – только кожа да кости. Правда, в соседнем селе, на севере, когда куры у них передохли от просроченного корма «Моя семья», научились выделывать их кожу и резать из кости магендовидаы и четки для новых русских. Кстати, помнит ли его бабка? Поди, и не заметит, если он не появится перед ней через два (ишь ты: опять два!) дня, потому что все дни казались ей одинаковыми, как один бесконечный сериал про секс в большом городе.

– Отец с матерью попривыкли как-то без меня на том свете, – думал он, – попривыкнут и куры.

Он снова оглядел площадь с высоты. Бойко шла торговля чипсами, хотя покупателей и не было; на той скамейке, где он разговаривал с жидкобородым, теперь целовалась парочка пидоров.

– От засранцы..., – подумал Ромуальдыч, но закончить мысль не успел – прямо в харю ударил новый порыв «пердуна».

На этот раз он нес с собой и новые запахи: путешествий в плацкартных вагонах, ночевки в подъездах и лифтах. Приносил он и запах пирамид, если пирамиды, конечно, вообще пахнут. Дед позавидовал ветру, который все свое носит с собой, и почувствовал, что вот-вот может ему уподобиться.

На следующий день к полудню он явился на площадь и приволок с собой часть куриной тушки.

– Поди ж ты, – сказал он жидкобородому, – мой друг молча сожрал всех моих кур и даже не икнул ни разу. Хорошее предзнаменование.

– Получилось как всегда, – ответил жидкобородый. – Это называется: Процесс Пошел. Дурачкам везет.

– А почему так происходит?

– Потому что жизнь хочет, чтобы ты следовал своей Судьбе, и, как следствие, возбуждает в тебе аппетит следователя.

Затем жидкобородый принялся осматривать и обнюхивать одноногую тушку.

Короче, Склихасовский, – отвлек его дед, – где сокровища?

– В Египте, возле пирамид.

Ромуальдыч прибалдел. То же самое сказала матушка Анджела, но тогда, по крайней мере, куры были еще не сожраны.

– Ты найдешь туда путь по дорожным знакам и указателям, которыми отмечен путь каждого в этом мире. Надо только внимательно смотреть, потому что гибэдэдэшники любят воткнуть где-нибудь на шоссе «кирпич» и спрятаться возле него в канаве. Не забывай и про народные приметы: мох, например, всегда растет с северной стороны пальмы.

С этими словами он распахнул на груди пиджак с жилеткой, и потрясенный Ромуальдыч увидел бронежилет, усы-

паннный драгоценными и полудрагоценными камнями.

– Вот, возьми, – сказал жидкобородый и, сняв с бронежилета два камня, желтый и коричневый, протянул их Ромуальдычу. – Они называются Урин и Калседон. Желтый означает «малое», коричневый – «большое». Запутаешься в *знаках*, они тебе пригодятся, особенно, при встрече с гибэдэдэшником. Но вообще-то, – продолжал он, – отныне тебе решать: рыбку съесть или на холмик присесть.

Дед спрятал камни поглубже в штаны.

– Самое главное – не забудь, что ты должен до конца следовать своей Судьбе, и еще крем от загара. А теперь я расскажу тебе одну коротенькую историю.

Некий новый русский отправил своих трех сыновей учиться не то в Оксфорд, не то в Кембридж. Там, как известно из достоверных источников, одни аристократы учатся – дети арабских шейхов. А сыновья из всего придворного этикета знали только, что вилку нужно держать в левой руке, а шницель – в правой. Поэтому в столовку их не пустили, а послали гулять по средневековому замку, в котором располагался университет.

Старший сын нашел в одной из парадных комнат серебряную ложечку и спрятал ее в левый полуботинок, чтобы не отобрали.

Средний нашел золотое ситечко, наподобие того, что было у мадам Грицацуевой, и спрятал его в правый полуботи-

нок.

А младший ходил и разглядывал картинки и надписи на стенах, большая часть из которых была на живом великорусском языке.

Когда их, наконец, позвала приемная комиссия, старший и средний вошли в зал, сильно хромая – один на правую, другой на левую половину. Младший же вошел легкой задумчивой походкой и смело посмотрел в лицо приемной комиссии, несмотря на то, что на животе у него был спрятан рисунок Обри Бердслея, сделанный с натуры в соседнем, женском колледже, куда он часто лазил через окно в период обучения в этом самом университете.

В итоге младшего сына в университет приняли, и он вскоре выучился играть в гольф, а двух других балбесов отправили куда подальше, в Итон.

Ромуальдыч, выслушав рассказ, долго молчал. Он ни хрена не понял, что хотел ему сказать жидкобородый.

Пристально глядя на Ромуальдыча, жидкобородый Владимир быстро ударил левой рукой по сгибу правой и этим странным жестом напутствовал его. А потом засунул снова под мышки большие пальцы рук и пошел своей дорогой, фальшиво насвистывая «Интернационал».

Самое высокое место в селе Большие Козлы – силосная башня. Если взойти на нее, откроется вид на площадь и ко-

пошащегося на ней носатого муравья – торговца чипсами. А если резко потянуть себя вверх одновременно за оба уха, можно и Африку увидеть. И в тот знаменательный день, ровно 22 апреля, стоял на башне, брезгливо отвернувшись от ветра, Владимир, Предсовнаркома, а по-нынешнему Президент России. У ног его смиренно лежала одноногая куриная тушка. Ее, несмотря на особую торжественность момента, уже мало что интересовало.

Глядя на утлую флотилию сгрудившихся у причала лодчонок, Владимир думал о том, что никогда больше не увидит Ромуальдыча, как ни разу не видел Троцкого, Каменева, Зиновьева, Волошина. Мавр, после того, как он сделал свое дело, должен освободить кабинку для следующего.

У Бессмертных не бывает друзей и врагов, у них есть только интересы. А все же интересно было бы ненадолго оказаться в каком-нибудь интересном положении. Интересно также, найдет ли старина Ромуальдыч свое сокровище.

«Жаль, что он сейчас же, как только до чего-нибудь докопается, сразу же забудет мое имя, – думал Владимир. – Надо было дать ему визитную карточку. Чтобы он, идя своим правильным Путем, никогда не забывал, кто проложил для него этот Путь по бездорожью».

Он поднял глаза от куриной тушки и, выбросив высоко вперед правую руку, произнес низким грудным голосом Людмилы Зыкиной:

– Я люблю тебя, Россия!

«Странное место этот райцентр», – думал Ромуальдыч.

Он сидел в крохотной забегаловке на два стола – одной из тех, что так часто встречались ему на улицах городка, зазывая надписями: «Попробуй зайди» или «У нас вы окончательно отдохнете». Несколько человек бритой наружности, передавая друг другу, курили по очереди толстую самокрутку с незнакомым запахом. За эти часы он повидал столько всяких людей: мужчин, женщин, лиц без определенного пола, – сколько за всю свою жизнь не видел даже на картинках в журнале «Караван историй».

«Край земли, – сказал он сам себе. – Здесь каждый думает только о том, как не свалиться вниз, к трем китам с их тремя частями и тремя составными источниками».

В детстве он видел репродукцию с картины художника, кажется, Неизвестного, «Иван Грозный убивает своего сына». Сейчас все окружающие казались ему похожими на Грозного, а себя он чувствовал сыном, которого вот-вот долбанут по башке неустановленным металлическим предметом.

К тому же все говорили на каком-то непонятном языке. «Фрустрации, -доносилось до него, – прет-а-порте... франчайзинг... Единственную знакомую фразу произнес очкастый юноша с татуировкой на лбу: «Писюк завис...». Это Ромуальдычу было не только понятно, но и хорошо знакомо.

К нему подошел хозяин, и Ромуальдыч щелчком по горлу

попросил принести чего-нибудь горячительного. Идиот хозяин принес чай, в котором вдобавок плавал какой-то бумажный комочек на веревочке.

Впрочем, все это не играло значения – надо было думать не о том, как набратся, а о том, как добраться. Денег у него не было, но был исполнительный лист к лопнувшему банку «Чаровница», по которому, боял адвокат с аристократической фамилией Падла, можно получить деньги у какого-то Пушкина. Очень скоро он будет уже у египетских пирамид. Жидкобородый в бронежилете вряд ли стал бы его обманывать всего за один голос, да еще такой пропитой, как у Ромуальдыча.

Он говорил ему о знаках, и Ромуальдыч, покуда шкандыбал в райцентр, все думал о них. Мир полон знаками: они на земле, в небе, но больше всего их на заборах и стенах, особенно мест общего пользования. Надо только научиться их читать. В сельсоветском ватерклозете Ромуальдыч прочел однажды надпись: «До зарплаты еще два года, а срать уже нечем» – и сразу догадался, что исполнили ее не сами сельсоветские, а кто-то из посетителей.

«Бог не выдаст – свинья не съест», – подумал Ромуальдыч и слегка успокоился. Даже бумажный комочек показался не таким противным на вкус.

– Ты, ёпэрэсэтэ, откедова будешь, брат? – слышалась вдруг родная речь.

Ромуальдыч поздравил себя с облегчением: он думал

о знаках, и вот подан знак. Кликнувший его был примерно одного с ним возраста, обут в такие же валенки, только надпись на телогрейке «UNITED STATE'S ARMI» указывала на то, что он из другого села.

– Балакаешь по-нашенски? – спросил Ромуальдыч.

– В этой стране почти все знают русский. Другое дело, что правильно писать на нем умеет один Розенталь.

– Присядь, я хочу угостить тебя портвешком.

– Здесь портвейн не пьют – обычай не тот. Старики водку хлещут, а молодежь больше колется.

Ромуальдыч сообщил юнайтед стейтсу, что ему нужно добраться до пирамид. Он чуть было не ляпнул о сокровищах, но вовремя прикусил язык: каждый, кому он о них говорит, требует одну десятую, а в сокровищах их не так много: не то девять, не то двенадцать.

– Ты хоть представляешь, ёпэрэсэтэ, где это? Из здешнего аэропорта раз в две недели летает «Ан-2» до Хургады, но оттуда еще чапать пятьсот кэмэ по пустыне. А это удовольствие – не ананасы с рябчиками жрать, если ты, конечно, не верблюды. Бабки-то у тебя есть?

Ромуальдыч хотел было рассказать про бабу ПБОУЮЛа и еще про одну бабу из Ростова-на-Дону, куда его лет сорок назад посылали обмениваться опытом, но тут к ним с видом Ивана Грозного, твердо решившего добить сына, направился хозяин заведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.